

18+

Юрий Васильев

ДУРКА

основано на реальных событиях

2019

Юрий Валерьевич Васильев

Дурка. Основано на реальных событиях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56995726

ISBN 9785005113801

Аннотация

На просторах жизненного цикла судьба заносит героя в заколоченную преисподнюю (психиатрическая больница) на окраине провинциального города в России, под названием «Дурка», где он встречается с её обитателями – постояльцами и свитой в белых халатах. Во время этого пребывания он познаёт всю суть и тяготы здешнего бытия и несправедливости. И в определённый момент он думает, что он здесь лишний и хочет покинуть этот сейф... Материал для проекта в области психиатрии для помощи пациентам стационаров.

Содержание

ДУРКА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дурка

Основано на реальных событиях

**Юрий Валерьевич
Васильев**

© Юрий Валерьевич Васильев, 2021

ISBN 978-5-0051-1380-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемый читатель, всё происходящее в данном рассказе чистая правда, хронология событий, микро истории больных, диалоги (максимально восстановлены) полностью соответствует действительности. Имена главного персонажа, врачей выдуманы с целью конфиденциальности.

Можете заходить:

ДУРКА

Скрипнув сталью, открылась тяжёлая, массивная дверь. Судорожно дёргая руками и ногами, я упёрся в спокойный взгляд медсестры, я спрашивал, зачем я здесь, что я тут делаю, а она попросила меня сесть и успокоиться, но это было невозможно. Глаза постоянно бегали в поисках лазейки для выхода. Медсестра что-то упорно заполняла и наконец-то закончила, а после этого передо мной предстала улыбчивая, худая девушка, с впавшими голубыми глазами и овальными чертами.

Она почувствовала, что я ужасно нервничаю, улыбка спала с ее лица, и она холодно произнесла: «Выкладываем все вещи и раздеваемся». Я оторопел: «Может, не надо, отпустите меня, я нормальный!».

Но она будто не слышала моих воплей и начала быстро и судорожно подбирать вещи. Оглядев меня с ног до головы, девушка сказала: «У нас нет такого размера одежды, берите, что подойдет!».

Меня охватила лёгкая судорога в ногах и руках, после чего я надел фланелевые штаны сине-белого цвета, расписанные тонкими, переходящими к толстым линиям в виде квадратов. Первая нога вошла в брючину, а вот со второй не получалось. Меня качнуло, и я стал прыгать на одной ноге, ища опору для второй. Девушка дала другие штаны, более широ-

кие и с тем же рисунком. Они прикрывали низ колена, как бриджи. Рубаха вошла без проблем, но рукав её заканчивался на половине запястья. Было начало июля, стояло прохладное утро, солнце нехотя пробивалось сквозь решетку окна, падая своим светом на уставшее-озабоченное лицо медсестры. Мельком взглянув на меня, она буркнула: «Сойдёт... таких высоких здесь ещё не было».

Всё скопленное негодование я вновь выплеснул на неё: «Отпустите меня, я нормальный!!!».

Мои вещи спрятали в какой – то ящик, и я остался в этой непонятной пижаме, тапках, с кружкой в руках, зубной пастой и щёткой. Мной овладела дикая паника. Я не представлял, что делать дальше, куда бежать...

Медсестра проводила меня до следующей, ещё более жуткой двери с глазком, напоминающим гигантский банковский сейф, из-за которой должен был выйти провожающий санитар. Сердце билось так сильно, что казалось, будто оно выпрыгнет под ноги. Санитар ещё не появился, в икрах ног появились импульсы размотавшейся нервной системы.

«Всё, приплыли», – думал я.

Отворился сейф и вышел санитар – худощавый, высокий мужик лет 45, смуглый, как постоянный клиент солярия. Волосы торчали в разные стороны, будто ругались друг с другом, на лице выделялись голубые глаза.

Я его сразу узнал – это был Леший, он работал у меня в подчинении в производственной группе на заводе. Пом-

нится, этот фрезеровщик заискивающе улыбался своей никотиновой улыбкой после очередного прогула или запоя. Однако стоит заметить, что он был безотказный как в выполнении поручений, так и, по-видимому, в плане принятия спиртного. Он осмотрел меня, слегка показав треть зубов под верхней губой, ухмыльнулся и сказал: «Мда... что ты тут забыл? Ну, проходи». Я взмолился: «Серёга, как выйти отсюда?». Помолчав, он ответил: «Да, брат, нелегко будет, главное – вести себя хорошо и вызывать доверие».

Время близилось к 12, я осмотрелся: справа была сестринская, потом -медкабинет для процедур, впереди был длинный коридор, я замер... Кровь мощным потоком хлынула к сердцу. Оно забарабанило, как табун лошадей к приближающемуся одинокому страннику в степи, в конце коридора стали мелькать люди, похожие на карликов, выглядывающих из дверных проёмов, дрожь пробежала по телу.... И тут громкий крик: «Обед!!!». Ещё раз: «Обед!!!!».

Слева по коридору находились палаты без дверей, из которых, как огромное войско, ринулась толпа навстречу мне. Голова закружилась, но глаза видели весь ужас происходящего, ловя пробегающих мимо персонажей. Кто-то хромал, кто-то дёргал руками, кто-то кричал.... Все их тени и трудно поддающиеся здоровой психике лица рассматривали меня. Вдруг из этого стадо донеслось: «Новенький!!!».

Тут меня охватил такой безнадежный ужас. Я почувствовал себя загнанной кошкой в угловой ловушке помещения,

окружённой живодёрами. К сожалению, мяукарь из меня так себе. Я искал глазами Лешего, он куда – то ушёл, как оказалось позже, за спальными принадлежностями: наволочка, пододеяльник, простынь. Он выдал мне всё это, указал на свободную кровать, которая стояла вдоль бежевой стены, и сказал: «Брат, только не делай глупостей и веди себя хорошо. Кстати, на обед пойдёшь?».

«Нет», – ответил я, и он ушёл в коридор. Я присел на кровать, и натянутые пружины прогнулись подо мной так низко, что под коленом оказался профиль каркаса кровати, напоминавший мне забвение СССР-ских времён. Напротив меня стояли семь спальных мест, расположенных поперёк стены, дальше у огромного решётчатого окна – ещё две кровати, и на моей стороне – шесть. Моя кровать была третья от входа. Я встал, голова жутко болела, тревога сидела на плече, размахивая ногами, паника и ужас хохотали над ней. Я быстро, пытаясь отвлечься от всех вышеперечисленных, заправил кровать и сел. Обед закончился. Стали заходить люди, но, я не успел толком никого рассмотреть. В коридоре крикнули: «Крючков!».

Я пошёл вдоль спинок кроватей, по ходу движения пропуская людей на уровне плеча. Дальше оказался в сестринской. Это был отделанный кабинет с уютно расставленной мебелью и пластиковыми окнами без решётки.. Я не помню, что спрашивала медсестра, но взгляд её был томный, с неприятными нотками стервозности. Опять мой взгляд пал

на окно, не покидало чувство безысходности, я не слышал, что она мне говорила... Мгновенье, я откидываю её в сторону, как в регби, судорожно открываю окно и вот уже я на краю больничной пропасти. Третий этаж, доли секунды, я уже прыгаю, но тут меня цепко хватает за спину та самая медсестра, слышен хруст рвущейся по швам рубахи...

Не знаю, откуда у неё было столько сил, но она вытащила меня с криками: «Сюда, сюда, быстрее!!!».

Первым прибежал Леший. Он молча скрутил мне руки, прибежал ещё кто-то, меня повели к кровати, привязали к ней по рукам и ногам.

Все, кто лежал рядом, смотрели на меня, как в зрительном зале кино. На их лицах было написано, что они его смотрят далеко не первый раз... Я дергался, прилагая все усилия, чтобы вырваться, а Леший тихо сказал: «Будет ещё больнее, если будешь вырываться».

Он ушёл, в его глазах я прочитал, что он не ожидал от меня такого... Зашла медсестра, вся взбаламученная, в повязке, как в наморднике. Вся её стервозность была в руке в виде огромного шприца. Она нажала на него, в воздух прыснула струя прозрачной боли. Не протирая ватой место укола, медсестра вонзила мне иглу в область предплечья, как шпажист последний победный выпад на турнире...

Прошло пять минут: меня охватила такая паника, я почувствовал себя на столе инквизиции, мозги стали сжиматься и разжиматься, как губка.

Это была лошадиная доза «Галоперидола» (потому и не кусают), ни с чем не сравнимое чувство. Если ты подносишь ко рту конфету – знаешь, что она будет вкусной, либо взрываешь косяк – понимаешь, что будет хорошо, но не во всех случаях. Здесь же ты просто получаешь боль и страдания в любом случае. Интересный метод лечения! На глазах появилась пелена, во рту была такая сухость, будто песка речного насыпали, мгновение – я отключаюсь, но чувствую, что реальность не покинула меня...

Прошло пару часов, я открыл глаза. Жутко хотелось в туалет, я заметил, что оказался на другой кровати, у окна. Оно было открыто. Доносилось пение птиц, перешёптывание листьев берёз, был виден закат.

В дальнем краю палаты прозвучало: «Ты как? В туалет не хочешь?».

«Хочу», – ответил я, но из-за большой сухости во рту это прозвучало очень странно. Никогда не слышал свой голос таким. Подошёл на вид маленький, худенький мальчик, но потрепанный жизнью, с густой щетиной, несвойственной детям. Голос его был, как у воспитанного двоечника из седьмого класса.

Я промолвил: «Попить». Он открыл бутылку, поднёс к моим губам. Странно, пить хотелось много, но достаточно было пару глотков, чтобы утолить жажду и сухость. Он молча открыл пустую полуторалитровую бутылку, повернуться не было возможности, пришлось прогнуться и перевести па-

ховую область в направлении к его рукам, он приспустил штаны, поднёс горлышко бутылки туда, утопил это «туда» не до конца, и стал смотреть мне в глаза. Параллельно ещё кто-то подошёл.

«Блин, меня до сих пор в фильме снимают, только непонятно, какой жанр», – подумал я. При людях я этого никогда не делал, разве что в младенчестве – очень неприятное чувство. Конечно же, я не мог, когда на меня смотрят несколько людей, да ещё и скрюченный. Я зажмурил глаза, стал тузиться... получилось...

Он аккуратно всё убрал ко мне в штаны, закрыл бутылку, поставил её рядом с кроватью и ушёл. Я стал подумывать, как бы меня развязали (Леший, блин, где Леший). За окном наступал вечер, и, как ни странно, появился Леший.

– Ну что, как ты? – промолвил он.

– Вроде ничего, – ответил я.

Он развязал меня. «Свобода!!!» – воскликнул про себя я, хоть по факту это была, конечно, тюрьма для отрешённых животных, которых жизнь обошла стороной либо дико пнула по мягкому месту. На запястьях и голеньях были красные следы от вязок, эти места жутко болели. Я встал с кровати, в голове слышался треск, как будто кто-то ходил в осеннем лесу по хворосту. Я побрёл к своей кровати с вещами, немного наслаждаясь свободой. Лёг на кровать, она прогнулась, ноги упёрлись в трубчатую спинку, закрыл глаза, думать не получалось из-за сильной дозы яда.

Пролежав пару часов, глаза отварились, голова ходила ходуном. Напротив лежал очень худенький паренёк с маленькими неокрепшими усами, ладони на пальцах были сложены, взгляд удручённый. Близилась ночь, я стал готовиться к галоперидольному сну. Мысли путались, сосредоточиться ни на чём нельзя, в голове – гул пропеллера, просто закрыл глаза. Санитар выключил свет, не пожелав никому спокойной ночи.

Среди ночной полутьмы слышался шелест пакета рядом с моей кроватью. Звук становился сильнее. Открываю глаза – а там на корточках сидит лысый силуэт в бордовой пижаме и неуверенно руками рыскает внутри, будто енот в мусорном контейнере. Стало страшновато, но я сказал ему, что нельзя чужое брать. Он попятился назад, походкой Голлума, к своей кровати. Я наблюдал за ним сквозь усиливавшиеся головные боли, всё равно уснуть было нереально. Луна хорошо освещала его лежбище напротив окна, он постоянно фыркал под нос, теребил что-то на груди, по-видимому, шнурок или крестик, что-то мямлил под нос.

Прошло время, он опять спустился с кровати и той же незамысловатой полупоходкой пополз к очередному контейнеру. На это раз хозяином пакета оказался тот хрупкий маленький мальчик с усами, мой сосед Дима.

Дима проснулся и тонким неуверенным голосом прошептал: «Отстань, это моё», но было уже поздно, и енот устремился к себе на кровать, как собака в конуру, начал жадно

есть, озираясь по сторонам, чавкая. Наконец он доел, потерял шнурок, успокоился и уснул.

Луна ушла из окна, птиц было не слышно, берёзы молчали, чувствовалось только как сжимается мозг, как будто кто-то играет с живой губкой – намочил, выжал. Маленький Дима, наверное, заснул, я просто закрыл глаза...

Посреди ночи я встал в туалет, меня круто мотнуло, еле поймал дверной проём, напротив которого в кресле санитара дремал Леший. Он что-то бормотал себе под нос, наверное, он был на приёме у важного гостя, владельца виноводочного завода, который организовал для него экскурсию с дегустацией...

Остановился, попробовал сосредоточиться. Было примерно часа 4, жутко трещала и звенела голова, во рту – геолокация Сахара. Опираясь рукой о стену, я побрёл вдоль неё, благо, уборная находилась в паре метрах от меня. Зайдя в сортир, я увидел по правую руку два умывальника без зеркал, так что своего галоперидольного отражения не видел, но догадывался, как оно выглядит, умылся, пошёл дальше. Три советских очка без намёка на удобство, только «орлом», без ручек и дверей. Всё было серое, ни одного окошечка, а посетители отсутствовали. Я побрёл к своей новой спальной жизни.

«Да, теперь ты здесь надолго», – думал я. Меня охватила такая злость, что, проходя мимо Лешего, я хотел его пнуть, просто так, мол, иди работай, нечего во сне бухать.

Настало утро. Открыть глаза было очень трудно, как будто кто-то приклеил веки. Опять сухость во рту, как после хорошей субботы, спина жутко ныла, колени затекли, так как полностью выпрямиться не было возможности. Маленький тюфяк был настолько узким, что на коже рук и по бокам был узор от пружин в виде переплетённых девичьих косичек.

В палате началось движение, я оглянулся по сторонам, поймал взглядом ночного енота – высокий, крепкий молодой человек с лысой головой, стандартной внешности с приколотыми синими глазами, как оказалось, его звали здесь Ромка Терминатор, почему- я пока не понял.

Он что-то рассказывал, глядя в окно, теребя шнурочек на груди. Сначала о том, как можно прожить не работая, уехать в деревню, посадить картошку, пару грядок зелени и всё. Предложения его были несвязными, но суть ясна, рот был приоткрыт во время разговора. Он много басил-скажет, умолкнет, никто его не слушал. Что-то мне подсказывало, что он хотел находиться не здесь, а быть полностью поглощённым картофельным ремеслом.

Пришла медсестра, та самая, которая меня одевала на этот курорт, стеклянные глазки её забегали, спросила, хорошо ли мне летается, а я ответил, что неплохо. «Есть жалобы?» – промолвила она исподлобья. Я ответил: «Жуткая головная боль, дрожь в руках, плохо вижу».

Она померяла давление, сказала, что оно в норме, записала что-то в журнал и ушла. Я пошёл чистить зубы. На глазах –

мутная пелена, всё расплывчато, хотя у самого зрение хорошее – твёрдая черничная единица. Кружка прыгала в ладонях, как у алкоголика с утра перед первой дозой. Я зашёл в импровизированную умывальню, кое – как поскрёб зубы. Закончил, добрёл до койки, вызвали на укол, я хотел узнать название пилюли, которую мне будут колоть. «Галоперидол» в повышенной дозе... Ну конечно, как раз то, что я люблю. Я подумал, что утро будет не очень добрым, а погода в голове – хмурой. После инъекции яд медленно разошёлся по сосудам системы, и я пополз на лежанку. Все мои соседи лежали, уставившись в потолок, будто бы там было звёздное небо. Лёг, закрыл глаза и стал терпеть, пытаюсь вспомнить, как я здесь оказался.

В коридоре прозвучало: «Завтрак!!!». Было 8 утра, все побежали, как стадо на водопой, я не пошёл, яд прибил к кровати, и я снова стал пролистывать страницы моего прибытия сюда...

Я всё время думал о жене Юлечке, как там она без меня, наверное, её улыбка больше не радует окружающих, а ямочки на щеках заполнили слёзы... У меня была жуткая депрессия и апатия, ничего не хотелось делать, никуда идти, всё это угнетало.

А началось всё с визита к психотерапевту в больницу по прописке. Взяв статталон, я отправился к кабинету. На дверях пестрели надписи, мол, ты ещё не душевнобольной и не всё потеряно, справки на оружие не выдаём. Оче-

реди не было (кто бы сомневался), захожу в кабинет и вижу: справа – аквариум с рыбками, за ним – вечное колесо с перетекающей водой, множество цветов и растений, как в бассейне Амазонки, сопровождаемых звуком текущей воды. Далее – небольшой телевизор с чёрным корпусом, ещё с трубкой, а не ЖК, и во всём этом зелёном оазисе – маленький юркий мужичок с круглым, пухлым лицом в очках и с усами в стиле 80-х годов. На вид ему было около 45 лет.

Мужичок поприветствовал меня: «Здравствуйте, чего изволите, на что жалуйтесь, рассказывайте, я внимательно слушаю». Всё это он протараторил, как из пулемета, с акцентом на букву Р. Она у него трезвонила, как раненый любовью тетерев на токование. «Со сном проблемы, апатия, ни с кем не хочется общаться», – отвечаю ему, слегка покраснев. «ХоРошо, а можете Рассказать по памяти любое стихотворение пеРвому встРечному?» – протрезвонил он.

Не дождавшись моего ответа, он выбежал в коридор, я уже хотел уходить, но через минуту он вернулся с взбитой высокой медсестрой с приятной внешностью и прострелял: «Давай, любой стих в глаза ей».

Я оторопел, покраснел ещё больше, хотелось его послать на буквы, ведущие к логопеду, но что-то было утвердительное в его поступках и пулемётном звонком голосе. «Мороз и солнце, день чудесный, ещё ты дремлешь, друг прелестный..., дальше забыл», – сказал я. «Вот, смотри как надо», – и он прочитал с выражением четверостишие Пушкина, гля-

дя ей в глаза, затем пробормотал: «Спасибо, Машенька».

Он сел в свою зелёную засаду. Машенька улыбнулась и вышла. Было такое ощущение, что она не первый раз прибывает в этой роли.

– Да, батенька, с вами всё понятно, это же очевидно, что у вас типичная ВСД – вегетососудистая дистония. А чтобы закрепить мою уверенность, давайте посмотрим ролик про неё.

Он задвинул шторы, выключил свет, и я почувствовал себя на просмотре диафильмов в садике, плюс ещё напрягал звук этого вечного колеса. И он включил свою видеодвойку с заранее отмотанным фрагментом американского доктора, который просто перечислил все симптомы, подходящие под моё описание.

– Ну вот же, оно, всё правильно!

Непонятно, чему он радовался больше: то ли доктору с кассеты, то ли своему сомнительному профессионализму.

– Я выпишу вам направление на сеансы, расслабляющие психику и нервную систему, «Фенозепам» – по полтаблетки на ночь, и будете ходить ко мне на занятия. Будем петь, плясать перед публикой и выгонять стеснение, вам понравится общение с людьми! Всё, давай, батенька, приходи, мы тебя вылечим.

Пожав плечами, я ушёл, но подумал, что надо попробовать.

«Обед!!!!» – прозвучало из коридора. «Надо идти», – ре-

шил я. Маленький Дима, лежавший рядом, бодро и тихо вскочил. Я его спросил:

– Давно здесь?

– Примерно неделю, – ответил он и устремился в коридор. Вставать было тяжело, но есть надо. Тут же подошёл Леший:

– Может, тебе супу принести?

– Попробую сам, только вижу плохо, всё как в тумане.

– Ничего-ничего, провожу.

Он отвёл меня в столовую, которая находилась в десяти метрах по коридору от моей 2 палаты. Леший указал на стул. Народу было мало, человека четыре – я подошёл под конец трапезы. Взял в руку алюминиевую согнутую ложку, с силой сосредоточился – бесполезно, приблизил максимально близко рот к тарелке, выпил суп. На второе было пюре с минтаем. Двумя руками взял рыбу, как в детстве ловил налимов под камнями, съел, пюре трогать не стал. Обратил внимание на повара на раздаче, точнее, раздающего еду – там не было собственного пищеблока, поэтому пищу привозили готовую. Это была довольно статная женщина за сорок, со стройной казачьей плотностью в фигуре, с преобладанием в верхней части, симпатичной внешностью, с высоким тембром голоса. «Ну что, заканчивайте, мне надо убирать всё, конечно, если кто желает добавки —подходим», – проговорила она.

Все оставшиеся пасанули как и я. Встал кое-как, ноги ватные, хотелось побыстрее лечь, побрёл по коридору, по пути меня остановил больной постоялец. Пошагивая на месте, он

сказал, постоянно улыбаясь: «Ты новенький, раньше здесь не был, летаешь зачем? Меня Лёха зовут». Разговаривать было тяжело, я ответил, что да, новенький, ни разу не был здесь, полетел, потому что хотел сбежать, зовут Юра. «Хорошо, Юра, ещё увидимся».

Не сомневаюсь. Для обитателя здешних мест он был очень крепкого мускулистого телосложения, с широкими плечами и большими руками, особенно в предплечьях, наверняка бывший спортсмен. Я лёг на самую неудобную кровать, которую только можно представить двухметровому человеку. Грёбанные стандарты, кто их придумал! С ворчанием я протянул ноги по диагонали, пружины провисли, слегка подогнул ноги и закрыл глаза. На чём же я остановился в своих мыслях? Ах да, психотерапевт с сальным лицом.

Я подгадал время, чтобы после расслабляющего сеанса прийти к нему на это шоу. Сеанс начался со встречи с медсестрой, крупной барышни преклонного возраста с широким овальным лицом и большими чёрными глазами. Она спросила фамилию, записала на следующий раз, попросила снять обувь и присесть на стул. Стоит сказать, что стул был комфортным, я уселся в него, протянул ноги. Рядом сидело ещё три человека.

– Итак, начинаем, делаем глубокий вдох, затем медленный выдох, слегка потягиваем ноги, пусть расслабление полностью пробежит по вам, от кончика носа до кончиков пальцев на ногах, думаем только о хорошем.

Включает магнитофон, откуда доносится журчание реки, тихая песня птиц, шуршание леса – всё это напоминает сосновый берег моря. И сквозь это расслабление и убаюкивание слышится храп.

Мужик рядом заснул, было жутко смешно, но я не подал виду. Медсестра постучала его по плечу, он взбудоражено открыл глаза, извинился и опять их закрыл. После окончания курса терапии я вышел, как сонная расслабленная муха после спа-процедур, и тут ещё этот клоун выносит колонки, микрофон в коридор. Стал подходить народ к назначенному времени. Было подготовлено место наподобие зрительного зала с местами и площадка для выступления.

Публика была неоднозначная: в основном, девушки и женщины с угрюмыми, поникшими белыми лицами, с хорошим разбросом в возрасте – от мала до велика.

– Итак, все уселись, шоу начинается – протараторил он. Первая песня была Иванушек «Тучи», он напялил парик из оранжевой мишуры и стал громко и противно петь, колонки хрипели, жестикуляция зашкаливала. „Почему он не пошёл в театральное? – подумал я.

На худой конец, в «Кривое зеркало» бы точно приняли. С второй песни он стал приглашать зрителей-подопечных петь вместо него, почти все стали громко смеяться. Девушка рядом со мной была с картонным, мятым лицом, которое не могло расправиться, чтобы показать свою улыбку. Чувствовалось, что у неё была депрессия. Вышла молоденькая

девушка школьного возраста и начала петь, а наш наставник её активно подбадривал и, как дирижёр, махал руками. На его сальном лице проступил пот, который скатывался со лба по его линзам. Конечно, может он реально болел за свою правоту в изгнании невидимых болезней... Вдруг доктор стал показывать на меня пальцем, мол, попробуй, я покраснел настолько, что готовы были отвалиться уши, как дождливой осенью в порыве ветра опадают багряные листья и уносятся вдаль. Нет, избавьте. Он звал других, кто-то выходил, кто-то – нет, от громкой музыки и дискомфорта хотелось уже уйти.

На дворе стоял август. Неожиданно во время концерта зашла девушка модельной внешности, стильно одетая, в кожаных сапогах выше колен, в сером коротком платье, ярко окрашенная, со шлейфом парфюма. Наш ведущий резко взбодрился, стал ещё активнее:

– Здравствуйте, здравствуйте, присаживайтесь! – пробренчал он.

– Здравствуйте, – сказала она и села нога на ногу.

Глаза её были намокшие, грусть каталась по щекам, первое, что мне пришло на ум – её бросил парень. Велика беда! Та публика, которая выходила на открытый микрофон, была более-менее живая и улыбчивая, возрастные дамы хохотали, те, кто повыше интеллектом и глубже депрессионной хворью, ни разу не улыбнулись, так же, как и новая девушка.

После концерта планировалось какая-то игра в его зелё-

ном кабинете. Не дожидаясь игры, когда была пауза, я ушёл, за мной ушла та девушка – модель. Я сел в машину, проводил глазами эту стройность, подумал о ней и уехал. Больше я к нему не ходил, а девушка мне не попадалась на глаза, но бывали моменты, когда его показывали по телевизору в новостях. В этот миг мне становилось жалко людей, которые к нему попадут, ведь как ни велико образование и знание своего дела, каждый человек индивидуален и неповторим, нельзя вот так тыкать микрофоном в душу, нельзя, лучше пробежать пару километров в зале либо посидеть с удочкой.... Но никак не с ним.

Однажды, когда бредило солнце и виднелся ясный закат, а небо угрюмо смотрело в пелену событий, охватывая перед собой стеснительный берег реки... «Крючков, к врачу», – уверенным и бойким голосом оборвал мои полу дрёмные мысли Леший. Еле открыл глаза, как будто на веках были пудовые гири, встал, мотнуло, голова кругом.

«Пойдём за мной», – сказал Леший. Я пошёл за ним в мутной пелене мыслей. Мы вышли за сейфовую дверь, знакомый скрип, справа находилась приёмная, точнее, место для переодевания в другой, «социальный» мир, а чуть ближе – ещё дверь, Леший указал на неё и сел напротив, то и дело покручивая связку ключей на пальце, якобы он владелец этих загородных комнат. Меня встретил угрюмый взгляд женщины лет 55 сквозь окно кабинета. Солнце ложилось своими лучами на круглое, плоское, морщинистое ли-

цо, которое не вызывало ни грамма симпатии, вокруг которого свисали бежево – рыжие волосы полукругом под каре, и над маленькими носиком были овальные очки. Если бы я встретил её на улице, я бы подумал, что она учитель коррекционных классов в школе с профилем на русский язык или математику. Серые глазки её стремительно бегали, оглядывая меня. Видно было, что её бордовый пиджак был повседневный и заношенный, виднелись его отблески на воротнике, поверх него был белый халат с бирюзовой каёмочкой, застёгнутый на все пуговицы. Я сел за стол, было тяжело, хотелось лечь, а не разговаривать.

– Итак, начнём, ваши полные фамилия, имя, отчество?

– Крючков Юрий Васильевич, – ответил я, упираясь глазами в пол, так как было тяжело поднять голову из-за состояния скрюченности.

– Год рождения, адрес?

– 23.01.1987, Ярославская область, г. Рыбинск ул. Сонная, дом 32, квартира 41 – ответил я.

– Хорошо, забыла представиться, я Зинаида Адольфовна Лекарь, прежде чем начать, вы должны подписать вот эту бумагу.

– О чём она?

– Добровольное согласие на лечение и госпитализацию, просто подпиши.

– Я не согласен, это было недобровольно! – ответил я жалобным, неуверенным голосом, так как уверенность улету-

чилась по венам в обнимку с «Галоперидолом», оставив сомнительные оправдания.

– Это просто бумажка, она ничего не решает, ты можешь потом от этого отказаться, лечить мы тебя всё равно будем.

– Я хочу отказаться от лечения и пойти домой! – выскреб я из своего мутного сознания.

– А зачем ты прыгал?!

– Я не могу находиться среди этих людей и в такой обстановке.

– А что тут такого, это же не тюрьма, здесь не насиляют и не убивают! Подписывай, другого варианта нет! – сказала она с ухмылкой.

– Хорошо, – обречённо выдавил я.

Взяв ручку с обгрызенном колпачком, я поднёс ее к бумаге и, как ребенок, накалякал закорючку.

– Вот и замечательно! – расцвела она

– Фамилии, имена, отчества родителей, где работали?

Назвал фамилии, что работали на нашем любимом местном заводе. Потом спросила про брата, был ли здесь кто-нибудь из родственников.

– Курите, принимаете алкоголь, наркотики?

Я отвечал машинально, по – детски, чтобы побыстрее доползти до кровати.

– Хорошо, а что вы всё скрюченный сидите?

– Мне больно мозгам и руки трясутся, ещё какая-то сыпь на лбу, я её не вижу, но чувствую пальцами, раньше никогда

не было.

– Хорошо-хорошо, такое бывает, пройдет.

– Когда меня выпишут?

– Не знаю, не скоро, можете идти.

Я вышел с опустошённой душой. Леший повёл меня уже по знакомому недолгому пути обратно.

– Ну, что тебе сказали? – по пути спросил он.

– Сказали, что долго ещё.

– Э, брат, так прыгать не надо было, я же тебе говорил, веди себя тихо! – промолвил он, закрывая сейф.

– Ладно хоть не Знахарь, а Лекарь, хотя какая разница в этой среде, – тихо сказал я.

– Что-что? – спросил Леший.

– Ничего, тебе слышалось.

– А...

Я сел на кровать и, не думая ни о чём, погрузился в непонятную бездну себя, борясь с самим собой. Так прошёл ещё один день комы.

Наконец- то захотелось немного покурить. Сигареты были, во тьме пробрался в туалет.

Никого не было, затаился, прокашлялся, голова закружилась, побрёл обратно. Прошел мимо спящего санитаря, который здесь был чем-то наподобие дружинника, то есть состоял в палате номер 4, но по сроку давности почивал на лаврах санитаря. Это был среднего роста парень лет 30, могучего телосложения, которым его наградила матушка – приро-

да, но, к сожалению, забыла поделиться интеллектом. Надо заметить, что говорил он складно и понятно, но над ответами к вопросам зависал и долго думал.

Это была реально машина для убийственных ударов и захватов, с огромными ручищами. Шея отсутствовала, побритая наголо голова с маленькими серыми глазёнками на лице сразу переходила в туловище на худоватых ногах. Тело пестрило самодельными наколками, не обозначающими ничего, но одна бросалась в глаза: это был круг с выходящими линиями перекрестия за него, конечно же, знак скинхеда, которыми обильно раньше в подъездах, до сегодняшних ремонтов, были исписаны стены. Сразу сложился паззл, с каких он пор здесь и за что. Он напомнил мне Шрека.

Я отправился на свою лежанку. За окнами стояла ночь, и сквозь неё медленно барабанил дождь, унося меня мыслями куда-то в обречённый угол сознания...

Вдруг послышался шорох колёс за окном, стук закрывающейся со скрипом двери... Где-то я его слышал, этот ни с чем не сравнимый звук дверей буханки. Затем, через пару минут, раздался звук открывающейся сейфовой двери, грохот, ор. Скинхед в непонятках проснулся, прибежала дежурная медсестра к нам в палату.

– Куда – куда, вот свободная, – с обречённым видом проговорила она. Заходят два санитары, похоже, из машины, под руками у них здоровый мужик, обильно изливающийся матом.

— Ну что, куда его, да мы пойдём, — запыхавшимся голосом с одышкой промолвил один из них.

— Да вот, вот, сюда же.

Я не знаю, как они его сопровождали до палаты, но в тот же миг он расшвырял их, как котят. Медсестра завизжала: «Серёжа, помогай!»

Скинхед Серёжа стоял сзади, переминаясь с ноги на ногу. Он подошел к мужику, заломал руки. Это было, конечно, проблематично, но он взял верх, далее подскочили два сопровождающих и помогли уложить бунтаря на кровать. Кое — как привязали. Как же он орал, плескался матом и с такой пошлостью, о которой не слыхивал самый прыщавый подросток!

В первую очередь мат летел в сторону медсестры, он её знал, оказывается, так он здесь постоялец. Чтобы хоть как-то его успокоить, женщина вколола ему лошадиную дозу лекарства, но он не утихал, параллельно разбудив соседние палаты, но, как я заметил, остальных это не сильно тревожило. Выхватив от скинхеда по лицу, он немного успокоился, но продолжал ругаться извращённым матом, что и куда он с ней делал и сделал бы сейчас. Женщина покраснела: «Лёша, ну ты же нормальный, что ты такое говоришь».

Но Лёша был далеко не нормальный в этот час и не успокаивался. Красная, как рак, она ушла. Лёша получил ещё и от соседа. Конечно, неправильно бить лежащего со связанными руками, но в этот момент мне тоже хотелось его уда-

ритель. Наконец препарат его успокоил, и он замолчал.

Все, кто был не равнодушен к данному действию, благополучно заснули, даже маленький Дима поразился про себя. Так прошёл ещё день.

На утро мужчину Алексея развязали. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что он тихий и скромный электрик с двумя дочерьми. С противоположной койки прозвучало: «Как ты себя вёл вчера?».

«Я ничего не помню», пробурчал он. Хороший стандартный ответ. И огромное массивное тело погрузилось в похмельную сонную пелену, присыпанную хорошей дозой препарата.

Утро потихоньку раскачивалось, тремор в руках остался таким же ужасным -завтрак подтвердил это. После утренней трапезы ко мне зашёл Лёха, с которым мы пересекались пару дней назад в коридоре.

– Как дела? – спросил он.

– Тяжко, бредовое состояние после «Галоперидола».

– Ну да, есть такое, – пошагивая на месте и широко улыбаясь, промолвил он.

Зачем ты прыгал-то, вот до этого двое, или, по-моему, трое прыгало, всё деды были какие-то, оно же видишь как, тут не убьёшься, ноги переломашь только и всё, но лежать, конечно, в Пироговке-так вылечат и опять привезут обратно. Тут же видишь как, вести себя надо адекватно, на примерного смахивать, – улыбчиво сказал он.

– Не знаю, боль тупая была, мысли в кучу, Пироговка – это хорошо, конечно...

Лёха смахивал за главного здесь, наподобие смотрящего в тюрьме, самый разговорчивый и жилистый. С каждым персонально он разговаривал – зачем, откуда, из какого района, за что. Как оказалось, в прошлом он был обычным парнем, жил – не тужил, занимался спортом – поднимал железо, участвовал в соревнованиях, достиг определенных успехов. Так как его натура была склонна к гуляньям и спиртному, он не заметил, как его поглотила эта пучина. Однажды он по каким-то причинам продал квартиру и начал гулять. Деньги были с собой, когда он был в кругу некой компании. Наутро проснувшись, денег он не обнаружил, как и компании, соответственно. Просто – напроосто его кинули.

Он впал в ступор и депрессию, на фоне алкоголя все усугубилось, он стал агрессивным и бил всех подряд, сил у него на это хватало. Он хорошо помнит, как его сюда привезли, с его слов, когда его развязали, он бил всех санитаров «с вертухи», с разворота. После лошадиной дозы «Галоперидола» он успокоился. Его кололи две недели, после чего он еле очухался, осознав, что денег нет и идти некуда. Он находился здесь уже шесть месяцев но постоянно твердил, что надо выбираться, решать вопросы.

– А откуда ты, из какого района?

– С Горы, – ответил я.

Нетрудно догадаться, почему наш район назывался Го-

ра, официально – Скоморохова гора. Он находился на холмистой возвышенности, якобы раньше, по одной из версий, в этом месте раз в год на Масленицу собирались скоморохи со всей России и устраивали глобальное гулянье. Также на Горе всех встречает гордая достопримечательность этой местности – ТУ – 104, за штурвалом которого гордо восседает скоморох, который сам об этом не подозревает.

Что у него спрашивать, если мысли с вопросами не лезут в голову, да и, собственно, не охота, в своём бы мире разобраться. Ещё что-то порассказывая мне, он промолвил: «Ещё увидимся». Конечно, по-любому пересечёмся.

Так день шел на убыль. Ужин был в районе шести вечера, что-то кое-как поел, добрался до койки, самочувствие резко ухудшилось...

Голос санитара из коридора: «Крючков, на укол!» Медленно подойдя к очереди за этим зельем, я всё думал, когда же это закончится. Очередь страдала неадекватностью. После дозы стало не по себе, крючило, всё сжималось внутри меня, какое – то тянущее давление внутри головы...

Оставалось одно – тупо терпеть, плюс эта неудобная инквизиторская кровать... Вся внутренняя часть души пропитана несправедливостью и обречённостью, в горле – ком угнетающей мрачности, время медленно перetyкается и растягивается в песочных часах жизни...

Вот и наступило раннее утро. Голова раскалывалась и хотелось покинуть происходящее. Я встал, в глазах – рябь,

как на старых мониторах телевизоров, глубокое отчуждение в оставшихся мыслях, зовущих в бесконечность. Мимо шел Лёха, я его подозвал севшим хриплым голосом:

– Подойди.

– Привет, чего тебе?

– Видишь эту подушку, задуши меня ей, сил больше терпеть нет...

– Ты чего, нормально всё будет, потерпи немного.

В начале у него была улыбка, когда он произнёс эти слова, затем, присмотревшись во тьме дождливого пасмурного июльского утра, он увидел, что всё плохо, посмотрел в мои глаза, похлопал меня по плечу и сказал, что жить буду я долго и счастливо, затем опять улыбнулся, что -то пробормотал под нос и пошёл дальше по своим делам.

Ну ладно. Плюхнувшись на скрипучую кровать, поджав ноги, крепко стиснув зубы, я стал терпеть. На завтрак не пошёл, часов в 10 ко мне пришла медсестра, померяла давление, сказала, что в норме, спросила про самочувствие, на что я ей протянул трясущие руки, она посмотрела на них, что-то записала в тетрадь.

– Ещё жалобы есть?

– Болит всё, особенно душа.

–

Ничего не ответила и ушла.

Прищуриив глаза, я понял, что надо вливаться в действительность, и стал наблюдать за палатой. С неба текла вода,

барабания по подоконнику, рядом с окном лежал Терминатор Серёга. Он теребил крестик и уныло, то и дело ёрзая, смотрел в окно, потом на крестик, опять в окно, затем сказал, немного громко и отчаянно:

– Зачем они нас здесь держат, посадили бы меня в деревню, стал бы картошку копать да морковку садить... а тут что...

– Да уж, лучше картошку садить, – прозвучало напротив. – Молись, Серёжка!

– Да я молюсь, молюсь, да всё не помогает, дядя Саша, дай мне хоть иконку, а то крестик твой не помогает.

– Ишь чего удумал, заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт.

Тут некоторые засмеялись, я бы тоже рад, да не до смеха, но хотя бы мозг получает чуть – чуть информации.

– Ну да ладно, на, возьми.

Серёжа радостно вскочил, улыбнулся, взял бумажную заламинированную иконку, лёг, повернулся боком к окну и стал громко причитать: «Господи, помоги, господи, помоги»

– Серёжка, потише, а то в лоб получишь! – громко сказал дядя Саша. Тот замолчал и стал ёрзать.

Дядя Саша прибыл к нам сегодня утром из 7 палаты. Эта палата предназначалась для тех, кто здесь находится уже много лет и по каким -то весомым причинам не может попасть на волю.

Гуляя по коридору, я заглянул туда. Это была светлая комната с большими окнами, в ней были тумбочки рядом с кроватями, причем, нормальными кроватями без пружин, с новыми тюфяками, стеллажом с книгами – этакий VIP на просторах маленькой вселенной душевнобольных.

Дядя Саша был типичным 50-летним мужчиной – не худым, не толстым, не высоким, не маленьким. На овале лица были бежево-серые волосы, под которыми прятались две маленькие голубые бусинки, спрятавшиеся в огромных впадинах, на смуглой коже, которые бегали из стороны в сторону, над губой виднелся шрам. Руки его постоянно тряслись, как у алкоголика, только медицинского. Находясь здесь несколько дней, я заметил, что на улицу никого не выпускают на прогулку, хотя на дворе июль месяц. Это было распоряжение главного врача, и, как оказалось, оно было четырёхмесячной давности. Дядя Саша не захотел мириться с таким приказом и объявил голодовку, за что и был сослан во 2 палату, чтоб пройти новый курс вкусных лекарств. С ним постоянно была небольшая ноша в пакете, которая висела на спинке кровати: пара книг, иконки, шахматы, фотоальбом. Последний он показывал тем, кого подпускал близко в свой круг общения- это был старый альбом с фотографиями, сделанными на фотоаппараты конца 90х годов с плёнкой, пару фоток с Поларойда – уникальная вещь в то время. На всех фото были изображены родственники, на которых он указывал пальцем и объяснял, кто есть кто. Как выяснилось позже, дя-

дя Саша смотрел его не реже одного раза в неделю и каждому объяснял то же самое, особенно он любил показывать альбом медсестре, которая давно его знает. Как правило, он садился в кресло санитаря, рядом усаживалась на подлокотник медсестра и с чувством, медленной жестикуляцией, мокрыми глазами он показывал тех, кто ему был дорог. Порой не листал фото до конца, плача, уходил и больше не показывал. Возможно, это были его светлые воспоминания, в которых он хотел подольше застрять, раствориться, в эти минуты время останавливалось, хотя его было бесконечно много.

Рядом с ним лежал ещё один Саша – ворчливый мужик с чёрными глазами, с недовольным лицом, улыбающийся дай бог раз в четыре дня. Как-то мы курили вместе, и он рассказал, что живёт на Горе Скомороховой, работает токарем на частника, в один прекрасный день его соседи по домашнему коридору вызвали ему скорую помощь из-за того, что он постоянно ругался с ними и кричал. Скорая привезла его сюда.

В нём чувствовалась неуравновешенность: чуть где-то неправда – сразу злость и агрессия, а в остальном – нормальный мужик с редким характером, хотя у врачей трактовки другие под этим словом.

Дядя Саша и Александр сдружились до такой степени, что были постоянно вместе – каждое утро они вставали почти одновременно, поворачивались лицом к окну и не спеша, медленно перекрещивались, делая глубокий поклон, Дядя

Саша целовал крестик и иконку, а Саня ограничивался только крестиком. Смотря на дядю Сашу, чувствовалось, что, кроме веры, у этого человека ничего не осталось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.